

в мыле Женя и кричит: «У вас в шахматной задаче белые начинают и мат в три хода! А там мат в два хода!» Юрий Николаевич и отвечает: «Там в два хода мат дурак может поставить. А ты попробуй в три!» Так что если тема сразу понятна — что-то здесь не так», — рассказывает Ирина Колушинская.

— Каким безусловным качеством, на ваш взгляд, должен обладать журналист, чтобы быть успешным?

— Безусловно, у человека должен быть стержень. Должна быть собственная точка зрения на процессы. Бывает, что она меняется. Бывает. Отказаться от собственных стереотипов очень трудно. Но порой надо. И надо ждать, что тебя за это изменение будут есть с кашей. Российский журналист должен знать историю своей страны и того региона, в котором он работает.

Нужен образ, ассоциация. Пушкиным, Достоевским, Чеховым, Булгаковым, Стругацкими — про российскую жизнь всё уже написано. И лучше не скажешь. Образ для журналистского мастерства обязательно необходим, чтобы возникал ассоциативный ряд. А для этого необходимо читать книги.

А ещё нужно трепетное, очень аккуратное обращение со словом. Это — оружие. Был в моей практике случай, когда один из героев материала чуть не повесился. Это стало для меня сильной прививкой — слово требует аккуратного обращения.

* * *

Политический журналист со временем становится экспертом в своей сфере. У Колушинской свои, особые отношения с демократами и нынешними либералами.

Она вспоминает, как в 1991 году, во время путча, «Звезда» опубликовала всего лишь скудную информацию о ГКЧП. На баррикады народ газета, к счастью, не позвала. И вот десяток народных депутатов СССР потребовали от областного совета уволить с поста главного редактора Сергея Трушников. Ирина Колушинская рассказывает, что на должность руководителя главной газеты Прикамья демократы предлагали Александра Калиха.

— Я прозваниваю всех этих депутатов прямо с лётчатки. Звоню первому: «А это правда, что вы подписали такое письмо?» — «Так это все подписали». Я прошу подождать у телефона, никуда не уходить. Звоню следующему — и точно такая же ситуация. И с третьим — точно такая же. И выясняется, что никто на самом деле этого письма по своей инициативе не подписывал. В общем, Трушников

ДОЛЖНА БЫТЬ СОБСТВЕННАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ НА ПРОЦЕССЫ. БЫВАЕТ, ЧТО ОНА МЕНЯЕТСЯ. БЫВАЕТ. ОТКАЗАТЬСЯ ОТ СОБСТВЕННЫХ СТЕРЕОТИПОВ ОЧЕНЬ ТРУДНО. НО ПОРОЙ НАДО

остался главным редактором «Звезды». Мы с ним никогда не были особыми приятелями, скорее, наоборот. Но именно Сергей Васильевич более чем на 20 лет сохранил «звёздочку», он молодец. А что касается Калиха, то он долгое время был секретарём партбюро «Звезды» и пару раз требовал от меня присутствия на открытых партсобраниях. А я в их партии не была и на эти собрания не ходила. Причём в то время Калих был Александром Михайловичем, а в 1991 году стал враз Эммануиловичем и антикоммунистом. По-моему, это очень противно.

Колушинской припомнили её дедушку, который всегда занимал руководящие посты в КПСС. А она нашла что ответить тем пермским демократам: некоторые из них в прошлом, чтобы скрыть репрессированное прошлое своих родителей, подчас брали фамилии своих жён. «А это подло», — уверена она.

«Я физически знаю, что такое тоталитаризм», — говорит Ирина Колушинская. Когда время изменилось, она поехала на Колыму, чтобы ещё раз вспомнить ту встречу с ним. Дело было в июне, земля там оттаивает только на 30–40 сантиметров. Она взшла на сопку, вершина которой была усеяна костями и черепами. Там было кладбище одного из лагерей ГУЛАГа. «Я порву любого, кто скажет, что Берия был «эффективным менеджером»! При всём том, я не люблю наших демократов. Надежда Мандельштам писала, что каждый человек, который жил при тоталитаризме,

является жертвой этого режима. И палачи, и сидельцы, и те, кто всё понимали, и те, кто искренне верили. «Болезнь переходит на детей, и только внуки начинают выздоравливать, вернее, болезнь приобретает у них другие формы». И это — ответы на многие наши вопросы. Именно в разгар этого режима мы их победили. И эта победа, равно как и сталинизм, наслаивается на все другие процессы нации — мыслительные, нравственные».

На несколько секунд она задумалась, словно ухватив на лету неожиданную мысль, вновь подняла голову и, подняв на меня поверх очков свой удивительный, пронзительный взгляд, продолжила:

— Сейчас очень сложная ситуация. Ещё Достоевский

сказал, что «такого либерала не может быть нигде, кроме как в России, который бы самое отечество своё ненавидел. Поскольку русский либерал — это и не либерал вовсе». Когда-нибудь расскажу нашим юным журналистам про нашу страну. Про национальную идею, которую сформулировал Достоевский, и никакой другой национальной идеи у нас нет. Я проехала нашу страну вдоль и поперёк, прошла Лену, Енисей... Я осознаю массу нашей страны и понимаю соотношение этой массы и силы инерции. И я ещё до 25 лет побывала в «европах», включая и Париж, и Стокгольм. Достоевский тысячу раз прав. И действительно, пыль на древних камнях Европы гораздо дороже русскому человеку, чем любому европейцу.

* * *

Как мне кажется, у Колушинской какое-то особое отношение к Юрию Трутневу. Она весьма критически относится ко многим нашим «вицам», но о Трутневе говорит с пиететом.

— А как вы познакомились?

— Мы знакомы с Юрием Петровичем с начала 1990-х годов. Но, несмотря на это, за всё прошедшее время я написала лишь 11 материалов о нём. Это включая сценарий к фильму и интервью для журнала «За рулём».

В начале 1990-х годов в «Звезде» вышел один достаточно резкий материал, и возникла конфликтная ситуация с группой